

Алина Загорская

*Царь Соломон и другие
израильтяне*



Алина Загорская

**Царь Соломон и другие
израильтяне. Если у тебя хорошие
родители – будешь счастлив.
Нет – станешь личностью**

«Издательские решения»

Загорская А.

Царь Соломон и другие израильтяне. Если у тебя хорошие родители – будешь счастлив. Нет – станешь личностью /
А. Загорская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830566-5

С любовью интересная штука происходит: пока ее нет, думаешь, как хорошо, что нет. А когда есть, думаешь — какое счастье, что есть. В общем, тут я Создателя одобряю — правильное решение вопроса. Нет бы придумать такой же финт с богатством, красотой или талантом — здесь ощущается явная недоработка. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-830566-5

© Загорская А.
© Издательские решения

Содержание

Обнять Дракона	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Царь Соломон и другие израильтяне Если у тебя хорошие родители – будешь счастлив. Нет – станешь личностью

Алина Загорская

© Алина Загорская, 2019

ISBN 978-5-4483-0566-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обнять Дракона

Как не приедете? Почему???? Мост сломался???? Какой – Аялон? Через рот... Ясно.. Нет – какие обиды, бывает. Ок, созвонимся...

Блин! А я уже запаковала все – до последней ложки! Друзья называется... Выростала из друзей, как из одежды. Казалась сама себе умной и непростой. Потом отсыпались знакомые. Позавчера ребенок орал, что ненавидит и хочет в этой жизни одного – не быть похожей на меня, а сегодня на мою почту не приходит даже спам!! Нет, я не жалею, живется мне в общем-то неплохо... Хотя не исключено также, что я уже умерла!!!

Я хотела рассказать о том, как ехала за границу, а оказалась в Израиле – справа-налево стране, где замечательно быстро сохнет белье, а вместо четырех сезонов три: хам, хам меод и хамсин¹. Но сегодня что-то пятое: льет и льет, нос за дверь не высунешь. Это хорошо для страны, но совершенно отвратительно для конкретного гражданина. Короче, если вы меня спросите, как жизнь, я вам отвечу: по-разному. То плохо, то очень плохо...

Раньше я жила на улице Гордон и думала, что люблю Израиль. Когда переехала в Бат-Ям, то поняла, что любила я в сущности улицу Гордон и ее королевское окружение: улицы Шломо-а-Мелех, Шауль-а Мелех, Эстер-а-Малька и Кинг-Джордж². Как до этого Галкина, Палкина, Чалкина, Малкина и Залкинда. А моими соседями были интеллигентные тель-авивцы – «еким» и «фриким»³. Один из них, Шизаф, человек ограниченных физических возможностей и неограниченного миролюбия, требовал полюбить арабов как саму себя и даже вывесил на балконе плакат: «Только МЕРЕЦ⁴ принесет народу счастье!»



Или фрау Грети Рудякофф – вдова киевского профессора из Германии. И не спрашивайте, кто откуда – ясно лишь, что Грети не из Киева. Ей восемьдесят девять лет, и она блистательная красавица: эта улыбка, напоминающая о Голливуде времен Марлен Дитрих, камей на кружевном воротничке. Эх, не быть мне опрятной старушкой, это куда сложнее, чем красивой женщиной. Вот когда жизненно необходимы бриллианты, джакузи и личный массажист.

¹ жарко, очень жарко, и ветер из пустыни, несущий песок и зной

² царя Соломона, царя Саула, царицы Эстер и короля Георга

³ выходцы из Германии и чудаки – от английского freak

⁴ Крайне левая партия, готовая отдать почти весь Израиль арабам*

Впрочем... Глупо и неприлично жалеть о молодости и красоте. Масса людей прошли через это – и ничего! Умерли...

Но вернемся к Грети. Прихожу к ней просить ключи от крыши – надо мои русские телеканалы обустроить – и вгоняю ее в состояние фрустрации: «Абсурд, хар Данцигер, фантастише абсурд!» – это она с хозяином по телефону мою проблему обсуждает. Что характерно для «еким» – шестьдесят два года знакомства и все еще «герр Данцигер». Наконец она снисходит и объясняет на иврите: оказывается, не иметь ключей – это вопиющее легкомыслие! Если случится пожар и на крышу приземлятся «геликоптеры», то будут спасены только владельцы ключей, а я погибну в пламени!

Напротив, в полуразвалившемся особняке с вавилонскими каскадами жил Большой Хези. Дом построил его папа – владелец такого же дворца, но в Багдаде. Хези сдавал квартиры за символические деньги, и требовал от жильцов – всех, кто влип – любви, а также регулярно выходить на физзарядку, молитву и субботники. Жильцы его ненавидели и втихаря мечтали о революции. По утрам Большой Хези вываливался на балкон и орал: «Слушай, Израиль! Мэрия Тель-Авива – воры и бляди!» – потому что денег на этот коммунизм не давали.

А когда я выходила в ночную смену – то еще удовольствие, кто понимает – этот сверкающий, шумный даже в шаббат город принимал меня в свои объятия как добрая мама. Нет, скорее, как ласковый, загорелый и нахальный моряк дальнего плавания. Мне становилось тепло, уютно и хотелось идти, не останавливаясь. И я шла, и замечала по дороге, что на углу Дизенгофф и Гордон открыли новое кафе – примерно двадцать восьмое по счету на этом углу. Слава те господи, будет наконец, где перекусить!

Потом жилье подорожало, и пришлось взять шутафа⁵. Его звали Сергей, и будь он тараканом, я бы сказала, что это очень правильный таракан – не высовывался, когда я дома, и не оставлял следов. Но иногда, к несчастью, он открывал рот. «Это твои таблетки? Выбрось немедленно – все лекарства гадость», «Израиль – сраная страна, я на нее срать хотел!» «Друг твой застрелился, потому что дурак», «Приду поздно, но трезвый». Благодаря ему, я теперь в курсе, что означает выражение «человек русской культуры». Это когда сначала поливают Израиль, потом объясняют, какое ты, в сущности, дерьмо, а в конце сбегают, не заплатив за квартиру.

В результате я перебралась в Бат-Ям – маленький филиал ада. Не верите? Цитирую: накануне праздника мэрия Бат-Яма «приглашает посетить Музеон Бейт ха-Шоа и осмотреть ландшафтно-архитектурную экспозицию, моделирующую карту концентрационных лагерей Европы периода Холокоста». Весело-весело встретим Новый год!

Теперь я живу в районе Амидар, возле белой арки и черной пушки, и меня окружает электорат ШАС⁶ —«хозрей тшува, ше хаю бифним». Ну то есть вернулись из тюрьмы в лоно религии. Шимон из квартиры напротив знает по-русски два слова – «блад» и «хуйня» и одну фразу – «зе пиздец таим»⁷, чем крайне гордится. А Шломи с нижнего этажа стучит молотком до глубокой ночи, и на все замечания отвечает одинаково: «Я этот дом сожгу!»

– Шломи, но ведь у нас с тобой один дом.

– Вот потому и сожгу.

⁵ сосед, с которым делят квартиру*.

⁶ сефардская религиозная партия, чей ядерный электорат – малообразованные уроженцы Востока

⁷ вкусный*



Да, экстраполяция не его сильное место. Он все время строит – застроил двор так, что велосипед негде поставить. И плевать, что мэрия планирует снести «кибенемат» всю эту Воронью слободку – правовое сознание на нуле. А в синагоге пляшущие человечки сначала орут «Барух ата Адонай», а потом рассуждают об «привить детям научное мировоззрение». Щас врублю им французский шансон – к вопросу о мировоззрении. Равноправия никто не отменял!

Так, расслабилась, успокоилась, взяла себя в руки... Все будет хорошо, пути Господни неисповедимы, а жизнь прекрасна и удивительна... Если правильно подобрать антидепрессанты.

А хотите, я опишу вам свою ежедневную прогулку по Яффо? Он совсем не похож на криминальное Русалкино⁸, где море ласковое, а у жителей на лбу написано «Жизнь – говно и сделать ничего нельзя... по эту сторону прицела».

Яффо очень живописный. Там пахнет морем и рыбой, там среди трущоб красуются роскошные белые дворцы, из которых мусор выбрасывают прямо на улицу – под ноги туристам. Над городом возвышается музей Иланы Гур, которая заработала миллионы на пряжках для ремней и вложила их в эту крепость и крайне абстрактное искусство. Понять его не дано никому, но музей посещают ради чудного ресторанчика на крыше. Потом рассказывают знакомым: были в музее... давка нехмад⁹.

В Яффо живут братья-арабы, и гулять по нему... ну скажем так: интересно. Сегодня подошел ко мне юный арапчонок и спросил: эйх ани нихнас ла кус шелах?¹⁰ Деловито, будто дорогу на рынок выяснял. Я сначала опешила, а потом прикинула кой-чего кой к чему и поинтересовалась: это у вас так принято знакомиться? Не поверите, он смутился! Наверное, не захотел отвечать за весь народ.

Есть там овощная лавка, владелец которой почему-то уверен, что я очень хороший человек. Он сообщает об этом регулярно, а я в ответ прошу его поделиться своим мнением с моей дочерью. Как-то летом этот сын Востока спрашивает:

– Почему ты не заходила раньше? Я бы тебе подарил арбуз...

⁸ вольный перевод названия Бат-Ям – дочь моря

⁹ очень мило

¹⁰ примерный перевод – разрешите вам впендюрить

– Так что же тебе мешает сделать это сейчас? – недоумеваю я.

А он отвечает (внимание, тут будет сложно):

– Я тебе хотел сделать подарок на пятьдесят шекелей, а сейчас они совсем дешевые, всего пятнадцать – нет смысла...

И я ушла – без арбуза, но в полном восхищении. Потому что Восток – это очень, очень тонкое дело.

Впрочем, есть у меня и настоящие друзья. Например, бывший крестный папа яффской наркомафии. Имя называть не буду – разве что в переводе: Пан Аравийский, понтифик. Он потерял в криминальных разборках всех сыновей, совершил хадж в Мекку и стал праведником: не грабит, не убивает, не изменяет жене – ну почти. Мы встречаемся на пляже Гиват Алия – в последнее время годфазер пристрастился ловить рыбу.



- Дополнительный заработок? – спрашиваю.
- Нет, с морем разговариваю, рыб зову...
- Приходят?
- Только девушки. Мужики не хотят.
- А как ты их различаешь?
- Ведут себя более сексуально.

Накануне выборов выяснилось, что «отец арабов» собирается голосовать за... Либермана. Еле уговорила отдаться Ликуду. Хороший человек... Если не врет, конечно.

Но вот Яффо закончился, начинаются приморские скалы с их неизменным лежбищем кошек. Сочетание охрнительное: вечное море, древние камни – и символ уюта кошка. Причем в каких-то промышленных количествах – лежбище, одно слово. Что они там делают – неизвестно, но выглядит довольно безумно... как скрипач из Бердичева среди пальм и минаретов.

Вообще, это даже как-то глупо и несвоевременно – рассказывать, как я приехала в Израиль. Ей-богу, ну кто же его – в смысле Израиль – еще не знает? Здесь нас уже больше чем там, и дел у нас немало, и проблем... И кому это вообще интересно, где живем? Интересно – как! О-о.

Но я вам все равно расскажу. Даже если вы мне за это не заплатите. Потому что я такой человек, что всегда рассказываю. Потому что если не рассказать – то как бы ничего и не было. «Жил-был я – помнится, что жил...» А если описать – то это уже факт. А если хорошо описать – то даже явление культуры.

С чего начинается Израиль? С израильского центра – такой бедной на лицо, но богатой внутренне развалюхи с повышенной концентрацией лиц еврейской национальности. Нет, даже не так. Никакой они не национальности, несмотря на то, что Шнеерзоны и Янкелевичи. Они работают евреями, потому что им за это платят. И они сидят в своих кабинетах, и принимают других, которые тоже не особо евреи, но по иной причине. Те, другие – глубоко русские (или украинские) рабочие и крестьяне. С неуверенной гордостью сообщают они каждому встречному в этом самом центре: «Наша бабушка была в девичестве Волькенштейн!». Они приезжают из Мелитополя и Жмеринки и стоят в очереди до глубокой ночи. Иногда выходят на улицу, многожды предупредив соседей, что они сейчас, сей момент, совсем ненадолго. Охранник такие выходы не одобряет – видимо, они наносят ущерб безопасности Израиля. А про безопасность тут понимают! Нет большего патриота Эрец Исраэль, чем колхозница из Пятихаток, чью бабушку Волькенштейн признали легитимной. Но природа берет свое, а туалета для народа в консульстве не предусмотрено.

В очереди тоскливо... Вот девочка лет семнадцати с огромным животом и лицом сикстинской Мадонны, и ее муж – лет сорока и с внешностью Шарикова. Хорошо бы его не пустили в Израиль – думаю я себе – ведь и вовсе калмык какой-то, ну что ему там делать? А девочка смотрит на него любящими сикстинскими глазами, и гладит потихоньку, и становится от этого еще красивей.

Еще одна супружеская пара учит иврит и все время ругается. Они почти старики, но отношения легкие, студенческие:

– Валька, ну ты поняла или нет? Олехет – это в настоящем времени. А в прошедшем – алахти. Очень просто.

– Да отстань от меня, это тебе просто. А я все думаю – стулья складные брать или нет? Фима говорит, что со стульями там проблема...

– Этот твой Фима сам большая проблема! Десять лет в Израиле – никто, ничто и звать никак! У него – другое, у нас – совсем другое.

– Я посмотрю, кем ты там станешь....

– Не отвлекайся: олхим, олхот, алахну...¹¹

Но вот долгожданная дверь открывается и я внутри. Консул очкаст, толст, важен и говорит по-русски почти без акцента. Правда, потом оказывается, что сам родом из Харькова. Он просматривает документы и одобряет: «Так, мать, Мира Абрамовна, – хорошо, отец Виктор Теодорович – очень хорошо. А как бабушку звали? Эсфирь Рафаиловна? Очень, очень хорошо – поздравляю с израильским гражданством!»

И все завертелось, завертелось... Последняя ночь в пустом доме (диван наутро забирает подруга). Промозглая осень, серо, гадко. И кучка людей на перроне – небольшая. Но чтобы их собрать понадобилась жизнь. Это – мое богатство, и второго такого уже не будет. Все. Маспик. Алахну¹².

А потом мы плыли на теплоходе «Дмитрий Шостакович» – большом, красивом и подозрительно бесплатном. Я долго не могла примириться с огромным количеством халявы по дороге в Землю Обетованную. Разъяснили эту загадку члены экипажа – очень живописного, шведско-украинско-mozамбикского и еще какого-то. Оказывается, если собрать всех евреев в положенном месте, то сразу за этим наступит царство божье на Земле... Как вам нравится?

И они в это верили – Джек из Уганды, Толик «с-под Ровно», Майкл – соотечественник Андерсена. Радостные, уверенные в себе и в своем деле, с огоньком, слегка безумным, по моему, в глазах. А мы, пассажиры, вкусно ели, много спали и плыли. Неизвестно куда, непонятно зачем. Забавно: я-то думала, что одна такая – еду в полную неопределенность, даже город еще не выбрала. А другие, эти хитрые и пробивные другие, знают все наперед, и вообще их ждет на берегу целая армия родственников, а у меня на всем свете только дочка Маша да кошка Кузя! Но даже те, кто выглядели деловыми и бросались разными местными словами типа «мисрад клита», «битуах леуми» и «Офаким»¹³, все равно не знали главного: что они будут там делать?



Впрочем, был среди нас человек, который знал абсолютно точно, чем займется. Девочка Поля, с большим животом и сикстинскими глазами, плыла на корабле совсем одна. Ее мужа, калмыка Шарикова, действительно не пустили в Израиль – уж не знаю по какому праву. И она ехала, полная решимости вырвать его из лап израильского консульства – любой ценой.

¹¹ идем, идут, пошли*

¹² хватит, уходим*

¹³ министерство абсорбции, Институт национального страхования и маленький городок на юге, аналог Зажопинска

– Саша такой мягкий, к жизни неприспособленный... Как он там выкрутится без меня – просто не представляю!

Да, у этого ребенка за плечами хорошая школа – никакой Израиль ей, по-моему, уже не страшен.

А «Дмитрий Шостакович» плывет и плывет – со всеми своими кошками, собаками, евреями и мозамбикцами. Проплываем Турцию – беленькие домики среди скал, очень оживленно. Что мы знаем про Турцию? Ага, вот: «Не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна...». Странный текст – и как я раньше не замечала.

– Это шо, пролив Гибралтар? Ничо так, симпатично...

Уроженка Жмеринки, судя по выговору, но косит под итальянский неореализм. Джинсовая юбка в блестках, ветер треплет плохо покрашенные волосы... Для Джека из Уганды и Моше из Офакима мы с ней одно и то же – «эти русские». И надо принять – хотя очень хочется отречься. Опять кушаем, опять спим – ну когда же это кончится!

Расскажу вам об улыпане. Учительница Зива родилась в семье владельцев пекарни. Когда она сообщила, что хочет в университет, это вызвало бурю возмущения: какой нафиг университет, кому это надо – бизнес процветает! Но Зива настояла на своем. В университете она встретила хорошего парня с теми же стартовыми условиями. Они создали крепкую еврейскую семью и родили, как положено, троих детей. Когда их старшей дочери исполнилось восемнадцать, девочка заявила, что университеты ей не нужны, потому что она хочет быть... нет, не пекарем, зачем так кругло. Парикмахером. Это естественно вызвало бурю возмущения...

Зива говорит: «Иврит – язык очень многозначный. Вот например идиома за деревьями леса не видать – ме ров а эцим ло роим эт а яар – вы понимаете, о чем это?»

Еще как понимаю! Я просто вижу, как оно рождалось – в пустыне Негев, под развесистым кактусом, это древнееврейское выражение! И представляю, как сидел Элиэзер Бен-Йегуда, создатель современного иврита родом из Белоруссии, на завалинке и размышлял: чем бы его заменить зимующих раков. Думал-думал – и придумал! «Я тебе покажу... откуда рыба писает».

Корни, наши русские корни... Когда я стану знаменита, то начну свою биографию со слов «Ничего страшнее детства со мной впоследствии так и не случилось». Клинтон пишет мемуары за двенадцать миллионов, а я даром. Под лозунгом «Догоним и перегоним Америку по мемуарной части».

Мой дед носил шикарное имя: Теодор-Бенцион. Естественно, дома его называли просто Федя, соседи, чтоб не напрягаться говорили «Здравствуйте, профессор» и только слепой танкист Рыбачков приветствовал по-армейски обстоятельно: «Мое почтение, Торедор Яковлевич!» Дед, как и другие члены нашей семьи, был человеком здравомыслящим: «Сначала стань инженером, а потом делай что хочешь», – эта фраза глубоко запала мне в душу.

Искусство они в принципе уважали – как одну из отраслей общечеловеческой культуры. Но не разбирались. Увидев по телевизору хор им. Пятницкого – или любой другой хор, а также

оркестр – дед обычно вслушивался пару секунд, после чего авторитетно заявлял: «Куча бездельников! Что изменится, если уволить из них половину?»

Тем не менее, он искренне восхищался соседом, Ринальдо Иванычем, который на слух (!) отличал Моцарта от Бетховена. Сын баскского сепаратиста вообще-то имел другое отчество – Олохувич. Но сохранить его, работая учителем в школе, Ринальдо не сумел – сами понимаете.

Дедушка Федя, добрый и мудрый, был даже не подкаблучником, а просто зомби своей страшной жены – моей бабушки. Нет, я не буду о плохом – это грех. Просто вспомню, как он рассказывал мне сказку о Курочке-Рябе и убаюкивал песней «По долинам и по-о взго-орьям» – единственной колыбельной, какую знал. Как останавливался, уставший, на лестнице и произносил на идиш: «Нету больше девичьих сил». Его походка была трогательно неуверенной, как у Плейшнера в «Семнадцати мгновениях» – рассеянный чудаку-ученый... Он пошел на войну рядовым, брал Берлин и остался жив – до сих пор не пойму, как ему это удалось.



Дедушка работал до последних дней. Однажды, уже очень-очень старый, он шел, опираясь на палку, по университетскому коридору, а навстречу шествовал, окруженный свитой, новый ректор, говорун и демократ, присланный на смену прежнему – партийцу и взяточнику. Увидев деда, он, в рамках продуманного образа, рассыпался в комплиментах: «Дорогой Геодор Яковлевич, вы наш старейший и всеми любимый педагог...» – ну и так далее. Дедушка осмотрел его из-под кустистых бровей, подумал немного и сказал: «Лицо мне ваше знакомо, а вот фамилии не припомню...»

Деда, мой деда! Я очень тебя люблю и всегда любила – даже когда кричала на тебя, даже когда хамила. Прости, если можешь...

Дед и бабушка многого добились в жизни и растили ребенка, неожиданно свалившегося им на голову, в комфорте и с удовольствием. И ребенок – в смысле я – поначалу оправдывал ожидания. Он был живой, развитый и подавал определенные надежды. В частности надежду окончить школу, куда-нибудь поступить и защитить диссертацию. Что было очень модно в то время.

Бабушка говорила: я учу тебя, как надо жить на свете. С хорошей учительской интонацией. И я ей верила – поскольку с детства была впечатлительной. Я и сейчас такая – когда слышу по телевизору «Оставайтесь с нами!» мне как-то неловко переключаться на другой канал.

Как должна себя вести девочка из хорошей семьи? Прилично! Как одеваться той же девочке? Не думая. Потому что думать об одежде – это пошлость и мещанство. Кстати, сама бабушка одевалась у лучших портных и даже обувь шила на заказ, но это почему-то не противоречило образу настоящего советского человека.

Бабушка Нина была из тех глубоко больных женщин, которые благополучно эксплуатируют все, что движется, «ад меа вэ эсрим»¹⁴, а на вскрытии приятно удивляют патологоанатомов.

«Интеллигентная дама, – говорили о ней косметички и педикюрши. – Меньше пятерки не оставляет».

Как бы вам ее описать... Есть люди-алкоголики, есть наркоманы, а бабушка подседала на скандалы. Довести до белого каления, до истерики и битья головой об стену было ее единственным развлечением. Она не пела, не играла на фортепьяно и не разгадывала кроссворды. Не вышивала крестиком. Не готовила вкусные блюда. Она убивала словом.

Слова бывали разные. Например, такие: «Когда я умру, тебя никто на порог не пустит. Тебя будут гнать отовсюду и бить смертным боем, как собаку». И такие: " Люди любят меня за то, что я люблю людей». И еще такие: «Лю-у-у-уди, сосе-е-е-еди – на по-о-омощь!»

И люди прибегали и приводили милицию. Но бабушку они не заставляли – она тихо трусила в свою комнату и запирала дверь на замок. Вся радость общения доставалась нам с дедом.

Бабушка гордилась своим умным мужем на вынос. А дома открыто презирала и заставляла выполнять самую грязную работу – избивать ребенка, к примеру. Но дед был совершенно не приспособлен к таким подвигам – бабушке приходилось вмешиваться и наказывать меня собственноручно.

Бабу с дедом свел его отец – очень уважаемый в Екатеринославе человек. Харизма Якова Бенционовича, мудреца и учителя, седобородого красавца, была так велика, что женщины и девушки влюблялись до самой его смерти.

Бабушка Нина, которую тогда звали Нехамой, приехала из провинциального Чернигова и поступила в университет. Была ли она красивой, по фотографии определить трудно. В любом случае современным канонам ее внешность явно не соответствовала. И я не возьмусь судить, родилась ли она той, кого я знала – или исчадьем ада сделала ее жизнь.

¹⁴ до ста двадцати лет

Бабушка была спортсменкой – бегуньей и прыгуньей. В конце двадцатых спортивное общество «Маккаби», где она состояла, назвали сионистским врагом, и бабка угодила за решетку. Именно там она и встретила своего будущего свекра: Яков Бенционович, первый чемпион Екатеринослава по шахматам, сидел в той же камере.

О том, что происходило в тюрьме, я не имею ни малейшего представления: было ли это большое помещение для множества людей или они там находились вдвоем, как долго это продолжалось, какие отношения между ними сложились...

Думаю, она влюбилась в Якова Бенционовича – как и множество юных дев нашего города. А он... Он решил, что барышня с таким властным характером – это ровно то, что нужно его младшему сыну, застенчивому юноше с глазами пойманной птицы и ярко выраженной склонностью к философии.

Так девушка из местечка попала в семью любимого мужчины – на правах невестки.

Про жену Якова Бенционовича я знаю немного: ее звали Рахель, и она не умела ни читать, ни писать. Бабку мою, которая к тому времени из Нехамы превратилась в Нину, Рахель очень сильно не любила. В 1941-м, когда перед ней стоял выбор, ехать с невесткой в эвакуацию или же остаться под немцами, она выбрала второе. Прабабушку Рахель расстреляли в Красноповстанческой балке, где находится сегодня Ботанический сад – вместе с одиннадцатью тысячами других евреев.

Дед в это время был на фронте. Он ушел добровольцем и в 1942 году вступил в партию. Не из любви к коммунистам, а чтобы выжила семья: у жены и детей беспартийного шансов было значительно меньше. По крайней мере, он так думал.

На войне дед встретил русскую девушку по имени Маша и захотел с ней остаться. Но жена узнала об этом, подняла на ноги все военное командование – и деду пришлось вернуться. Процесс превращения в зомби был завершен.

Бабка обожала болеть. Она лежала, закатив глаза, и стонала: «Ы-ых, как мне дурно, как мне дурно!» Иногда выходила из образа: «Федя, ты колонку выключил?» – Получив положительный ответ, откидывалась удовлетворенная на подушки и продолжала: «Ы-ых, как мне дурно!»



Бабушка Нина умерла в 85 лет от перелома шейки бедра. Вскрытие показало, что она была совершенно здорова. Сказать, что я ее не любила – значит, ничего не сказать.

Потом пришло время выбирать мне профессию.

– Вашей внучке надо идти на филфак, – говорила наша классная – у нее такие способности!

– Ну причем тут способности, – презрительно роняла бабушка, – просто она из интеллигентной семьи. И вообще, хорошо подвешенный язык я лично серьезным делом не считаю.

Что ответила на это учительница русского языка, осталось неизвестным – бабушку такие мелочи не интересовали. И мне выбрали профессию – очень симпатичную, довольно престижную, а главное надежную на все времена – архитектор. Хотя единственный предмет, по которому я имела тройку, был именно черчение. Но дед посоветовался с коллегами из политеха, те вспомнили о собственных отпрысках, которым тоже придется куда-то поступать, и горячо обещали выковать из меня приличного инженера.

С тех пор начались мои несчастья. Начертить даже просто кубик было мукой, а уж делать курсовые проекты... Я плакала, плакала, а потом вышла замуж – так была решена проблема диплома, и начались проблемы личной жизни.

Мужчины – существа трепетные, мятущиеся и совершенно непостижимые. Я знала много мужчин – хороших и разных. О хороших сказать нечего, а среди разных были застенчивый мучитель, трусливый расточитель, сентиментальный палач, отмороженный Казанова и один ходок-импотент. Он называл свой член Шалом, а когда я спросила, почему не Ицик или Моше, объяснил, что это сокращение от «кли шалом» – орудие мира. Адвокат по разводам, между прочим.



Нет, с женой у него ничего серьезного – так, кооператив по разведению детей. Люди не становятся ближе оттого, что тридцать лет гадят в один унитаз. Он сидел на антидепрессантах и активно искал большую любовь за умеренную цену. Как-то его любимый сайт знакомств разослал приглашения по всем электронным адресам – есть такие мудрые сайты, за нас решают. Ну и жена, конечно, получила. Что сделала? Мужа поблагодарила. Теплые, дружеские отношения. А куда деваться – у них масса общего: квартира, машканта¹⁵, посудомоечная машина.

Но Яков А. – самый удивительный мужчина, из всех, кого я встречала в жизни. В плохом смысле этого слова. И в хорошем тоже. У него десять – или сто – женщин одновременно. Он им почти не врет. То есть врет немножко – поначалу, для затравки. Он рассылает горы смс-ок своим *astonishing lady*, где сообщает, как сильно он их хочет: *nothing personal – just want to fuck you badly!* Он готовит потрясающие блюда, потому что он француз из Парижа, и парижанином останется – несмотря на 30 лет в Израиле. Он способен заниматься любовью часами – властно, нежно и изобретательно. Он просто окутывает теплом – и застарелые комплексы тают на глазах и выходят наружу слезами счастья.

А потом он решает разнообразить жизнь сексом втроем и приглашает мальчика – смуглого, нежного и порочного. И пока мы ликуем и предаемся разврату под портретами дедушек-раввинов, Яков вдумчиво наблюдает за нами. У него пристальный взгляд исследователя... и отеческий тоже. А раввины на стене укоризненно качают головами – в их религиозной «шхуне»¹⁶ такие игры совсем не приняты.

Затем приходит время отдавать долги: отчего бы нам не позвать еще одну женщину – просто знакомую, «совсем некрасивую, не то, что ты. Она так просит и уже приготовила свое коронное блюдо, пасту болоньез – специально для тебя».

Дальше рассказывать не хочется – банальные групповухи, попытка суицида и холодное осознание своего места в его жизни уже не за горами

Яков говорит: нет любви, есть лишь доказательства любви, и предлагает плюнуть в глаз тому, кто скажет, будто на свете существует что-то, кроме еды и секса – именно в таком порядке. Он был старшим ребенком в многодетной семье «досов»¹⁷ и всегда полагался только на себя. И все остальные дети полагались только на него. В десять лет он сел на поезд и отпра-

¹⁵ ипотека

¹⁶ квартал*

¹⁷ представители ультраортодоксальной общины*

вился в Лилль – никто его отсутствия даже не заметил. Когда он разуверился в чувствах и поверил в ощущения, не рассказывает – но я не теряю надежды это из него вытянуть.

А пока – нет у меня более надежного, заботливого и очаровательно-циничного друга. Готового всегда прийти на помощь. Не жалеющего ни денег, ни времени. Не требующего секса. Если, конечно, удастся до него дозвониться.



И еще одна история по загадочных мужчин. Галя и Валя были подругами. Давно, еще с до перестройки. Причем Вале всегда везло, а Гале... Ну скажем так: она жила полной жизнью. Валя познакомилась с мужем на городском пляже – он был там самый красивый и самый умный. Они стали встречаться, и, забеременев, поженились. Согласитесь, не каждый красивый и умный так поступает. Тем более с не очень красивой и не такой уж умной. А что бедный был – аспирант, 70 р. грязными – так чего бы ты милочка хотела? Не все коту масленица.

А Галя все искала любви и счастья в личной жизни. Искала и находила. Искала и находила. И опять искала и снова находила. Пока не остановилась на одном алкоголике – из хорошей, правда, семьи. Родила ребенка и снова стала искать. Но уже не любви и счастья, а способа заработать и прокормить всех троих.

А Валин муж-аспирант ушел в бизнес, забурел и построил небольшой кирпичный заводик. В городе его очень за это уважали – выделили дом, машину с шофером и стали приглашать в президиум. Словом, Валя все сделала правильно. Хотя откуда она знала, что именно этот муж не запьет, а наоборот, пойдет в гору – я до сих пор удивляюсь. А потом он умер и оставил Вале одни долги: за лекарства, за похороны и за дом, в котором она даже не была прописана.

Но кончилось все удачно. Теперь они обе – и умная Валя, и непутевая Галя – живут в Майами, штат Флорида, и чувствуют себя там довольно хорошо, хотя с другой стороны, не пришей кобыле хвост. А дело все в том, что у них в городе была очень продвинутая брачная контора. С интернетом и всякими прибабасами.

Нет, это и правда интересно – почему одним везет, почему другим никогда и ни в чем? Одна моя знакомая так над этим всем задумалась, что отправилась к гадалке. У гадалки было красиво – дом, сад, а в саду колонны коринфские в натуральную величину и аквариум резной, старинной работы. А у моей знакомой не было ничего – ни дома, ни сада, ни любви, ни счастья. И она заплакала и спросила гадалку: за что? И та ей сказала: за то, что в прошлой жизни ты была диктатором в одной небольшой южноафриканской стране и установила там деспотический режим – в этой будешь расплачиваться. Ну типа срок на зоне мотать. И делать тебе

ничего не надо – Бог не фраер, как решил, так и будет. Вот такой прогноз – хорошо хоть денег за него не взяла. И, хотите – верьте, хотите – нет, моей знакомой сразу стало легче: главное – ни в чем она не ошиблась, ничего в своей жизни не упустила.

Дураки бывают разные. Нет-нет, попрошу не вставать с места, пока вас не вызвали. Да, я знаю – это О'Генри. Дальше будет мое.

Дурак простой незатейлив и крайне позитивен: «Дважды два – четыре, трижды три – девять. Япония – очень интересная, необычная страна. Там живут очень интересные, необычные люди. И растут очень интересные, необычные такие деревья...». Еще они обожают желать «всем людям планеты мира и благополучия». Ментальная отрыжка на фоне хорошей зарплаты и полного холодильника.

Дурак пытливый – человек пылкий и неравнодушный: «Дважды два четыре – что вдруг? ХАМАС – террористы? Путин – агрессор? Ваш Биби¹⁸ ничуть не лучше».

Но глупее всех дурак продвинутый и хорошо информированный: «А вы знаете, что на острове Чихуахуа дважды два не четыре, а четыре и восемь десятых?»

Именно таким дураком была я в первый год алии, когда пришла со своим «хавером»¹⁹ Иони к его родственникам. Разговор шел вяло: «Ну, эйфо хаитем ба каиц? Хаину бе Швайц... Эйх хая? Нехмад меод. Кама зе оле?»²⁰ И вот тут темпоритм резко меняется. Присутствующие просыпаются, глаза у них загораются, а речь становится страстной: «Аз каха: им ата носеа дерех Метро-Клаб зе йоце леха альпаим юро. Аваль им ата маадиф Метро-Турс яхоль лахсох беэрех шва меот...»²¹

Шок для человека, выросшего в парадигме увидеть Париж и умереть. Скучные, бездуховные люди думала я и с тоской вспоминала наши кухонные посиделки и философские споры за полночь. Прошло много лет прежде, чем я поняла: советская духовность – логическое продолжение запрета на все, кроме как читать книги и трепаться на кухне. Мир открыт, но за деньги, и потому самое важное – «кама зе оле».



¹⁸ глава правительства Биньямин Нетаниягу

¹⁹ бойфренд

²⁰ ну, где побывали летом? В Швейцарии... Как было? Неплохо. И сколько стоило?

²¹ значит так: если вы едете с компанией Метро Клаб, то потратите две тысячи евро. Но если выберете Метро Турс то сэкономите примерно семьсот

Хевруто о метуто – что в переводе с арамейского означает: если у тебя нет друзей, походи и убейся об стену, несчастный. В общении с иностранцем есть масса плюсов. Да, он не знает, кто такой Чебурашка, но зато ему можно об этом рассказать, и услышать нечто новое о старом как мир персонаже. Хотя если честно, ход мысли Йони, а также других израильских ашкеназов, ужасно напоминал старомодный юмор моего деда: «Когда папа умер, мама стала относиться к нему значительно лучше: регулярно приходила на могилу и рассказывала о том, как обижают ее дети и соседи».

Я описывала Йоньке, как бедствовали советские пенсионеры в годы перестройки, как они рылись в помойках в поисках пищи и как здорово, что в Израиле им не надо это делать. Йони вдумчиво выслушивал и продолжал: «Но если бы они и стали рыться, то нашли бы там много вкусного».

«Ата антишеми, ата!»²² – так расправлялся Йони с несимпатичным ему собеседником – как правило, тоже евреем. А еще он был сексистом – немножко. Если видел «балаган» на шоссе, не сомневался: за рулем неправильной машины – женщина. Мы обгоняли нарушителя, обнаруживали мужчину, но он не сдавался: «Мама, мама учила его водить!» Когда Йони покончил с собой, я осознала, что рвет нам душу, когда умирают такие люди: щемящее благородство. Ты понимаешь, что тебе не быть таким никогда – и не потому, что они красивее, умнее, богаче или удачливей.

Израиль с самого первого года это был Йони. Солнце, море, иврит – и Йони. Сначала каждый день, а потом когда что-то нужно: поехать, перевезти, прибить, подключить. Обсудить, спросить, получить совет. Поплакать, посмеяться, пожаловаться, убрать патетику, начать действовать. Просто поговорить, когда не с кем – совсем.

Сначала он потерял работу. Это было неприятно, но не пугало: случалось и раньше, находил новую – еще лучше. Прожил несколько месяцев в свое удовольствие: съездил в Таиланд, впервые в жизни переспал с азиаткой и сделал вывод, что «коль а-бахурот ото даввар»²³. Потом инфаркт, центура, запрет на курение и любимый теннис. Рамки сузились, пахнуло смертью.

Из гостиницы, где он отдыхал после операции, приехал ко мне и предложил провести с ним ночь. Вел себя непривычно робко, потому что очень боялся отказа. И если б я была чуть лучше, я бы наплевала на «хочется – не хочется», стуц²⁴ или на всю жизнь, и сделала бы это из сострадания...

Но... Я сказала: все кончено, прошлого не вернуть. Короче, ровно то, чего нельзя было говорить никак!

Нет, я догадывалась, какой мрак у него на душе, но в наших отношениях он был взрослым, а я ребенком. И я не сомневалась, что Йони справится – он всегда со всем справлялся. А я не покажу, что понимаю его состояние – он ведь так боится пафоса.

²² ты, долбанный антисемит

²³ все женщины одинаковы

²⁴ случайный секс без продолжения

В отчаянии Йони попытался схватиться за другой спасательный круг – объединить детей и бывшую жену. Он пригласил их в ресторан, это был чудесный, теплый вечер. Йони вышел на балкон, посмотрел на море и подумал: какое счастье, у меня есть семья! И через несколько дней приехал к Орит с цветами и предложил провести остаток дней вместе. А она сказала «нет» – ей лучше одной. Судьба убийственно последовательна, загоняя человека в угол. И вот результат пятидесяти пяти лет жизни: ни семьи, ни работы, ни надежды. А бороться с бессмыслицей этот сильный мужчина, командовавший танками на войне, не умел. К унижению, даже со стороны высших сил, Йони не привык, и привыкать не собирался.

И он решил уйти. Дождался, пока дети будут в Израиле – чтоб никого не вырывать из-за границы. Позвал их на ужин, обнимал, целовал и внушил подозрения – не его стиль. Потом, ближе к ночи, выпроводил гостей, сел в машину и поехал в парк Лахиш на окраине Ашдода. Я там была – сидела, курила, запоминала. Полицейские сказали, что конструкция, которую он придумал для введения выхлопного газа в кабину, достойна пера инженера. Он выпил водки, потом включил свою конструкцию и выстрелил в голову – чтоб наверняка. В завещании не забыл никого – в том числе и меня.

Ну что вам еще рассказать? Жизнь в Израиле оказалась не сахар. Я даже удивляюсь, что такую лысую пустыню называли когда-то землей, текущей молоком и медом и разыскивали целых сорок лет. Ей-богу, не стоило так уж стараться. И попугаев царю Соломону не надо было завозить – гнусная птица, особенно на свободе. Кричит как сумасшедшая и гадит прямо на голову. Не говоря уж о местных кошках, которые того и гляди начнут на людей кидаться – как буквально палестинские террористы.



Я не знаю, бывает ли такое в других городах и странах, но этот эпизод, на мой взгляд, просто квинтэссенция Израиля. Полдень, Микве-Израэль. Улица узкая, транспорта масса – центр. Я в маршрутке еду на работу. Перед нами прямо посреди проезжей части останавливается белая «мазда» – непонятно с чего – и стоит. Минуту, две, три... Аварии нигде нет, «хефеца хашуда»²⁵ – тоже. Водитель вроде жив и, кажется, здоров. Но стоит, собирая за собой длиннейший, дико возмущенный хвост.

²⁵ подозрительный предмет, похожий на взрывное устройство – очень важный термин в Израиле

Спустя довольно долгое время как-то естественным путем выясняется, что он заказал питу²⁶с «хамуцим»²⁷ в придорожной, гм...«питтерии». И спокойно ждет, пока ее подогреют и положат туда все, что он любит – шаварму, печеные баклажаны, соленья разные. Машины беспрерывно гудят, народ ругается, обещает писать в разные инстанции страшные письма, я опаздываю на работу!

Хозяин лавки невозмутимо делает свое дело, никуда особо не торопясь, водитель вполне доброжелательно, не ехидно, нет, предлагает нам записать не только номер его машины, но и размер обуви. Июльское солнце освещает всех участников драмы ровным ласковым светом. Хорошо летом в деревне!

Знакомые говорят, что это у меня такой период. Они уверяют, что лет через пять я полюблю Израиль и перестану замечать мусорные кучи и разницу между русским и ивритом. Очень может быть, думаю я, если только не умру раньше. А еще в последнее время мне совсем разонравились пальмы. Сажают их тут куда попало. Только забудешься, расслабишься немного, а тут тебе р-раз! – и пальма. Ужас. Эмиграция. Другой конец земли.

А наше плавание кончилось наконец. Приплыли.

Стоял вечер, больше похожий на глубокую ночь. Город Хайфа сиял огнями, сбегая с горы Кармель, совершенно по-заграничному. Там жили люди, жили своей обычной вечерней жизнью. Они валялись на диванах, смотрели телевизор, заставляли детей делать уроки или, наоборот, идти спать. Те не отзывались, уткнувшись в свои компьютеры. Наше прибытие не заинтересовало никого – рутина, повседневность. И не удивительно – сколько до нас приплывало сюда кораблей, прилетало самолетов, приходило на своих ногах эмигрантов? Немеряно. Вот поэтому, наверное, никого в городе Хайфе, а также по всей земле израильской не взволновали триста новых соотечественников – три сотни бездомных, безработных, безъязыких и совершенно бестолковых в данный момент человек, которые сходили по трапу корабля «Дмитрий Шостакович» 21 декабря 1998 года.

²⁶ средиземноморская лепешка

²⁷ соленья



Какое чувство я испытывала в эти, самые первые, израильские минуты? Странное. Сиротское и возвышенное одновременно. Чувство космонавта на далекой звезде – космонавта, за которым нет центра управления полетом. Его подвиг никому, в общем-то, не нужен, но он все равно обязан исследовать незнакомую планету и найти здесь воздух и воду.

У меня нет более удачной фотографии, чем та, которую сделали в хайфском порту. Прекрасные лица на картинах старых мастеров пленяют не тем, что красивы – теперь я это знаю точно. Прекрасными делает их выражение. Когда впереди трудно и страшно, когда рядом нет никого и надеяться надо лишь на себя и чуточку на Бога, когда уходят мелкие и глупые мысли, а остаются только большие и серьезные – тогда и получается это средневековое лицо, прелестное и большеглазое, женственное и жертвенное. Жаль только, что тебе самой в это время глубоко наплевать, как ты выглядишь.

Но времени на лирику нет, идет деловитая бюрократическая суматоха. Нас всех надо переписать, выдать документы, деньги, отправить по домам – и Большой Страх, охватывающий тебя целиком, потихоньку съезживается, уползает внутрь. Теперь он будет жить там, глубоко – где-то в районе диафрагмы. Не давать спать и даже дышать поначалу, а потом, постепенно, становится привычным, но все равно особенным, никогда раньше не случавшимся специальным эмигрантским чувством.

И я смирюсь с ним, и даже найду, в конце концов, хорошие стороны. Ведь это он, Страх, обостряет сейчас мое зрение, а Неуверенность во Всем шепчет на ухо: посмотри, это небо совсем незнакомо тебе, оно высокое и библейское днем и багровое ночью – как будто земля

все время немножко горит. А чудесные цветы по обочинам дорог вовсе и не цветы на самом деле, это ведь тоже листья – желтые, малиновые, оранжевые листья посреди весны.

Обрати внимание на людей, они не похожи на тебя совершенно – хоть это и твой народ. Послушай, как громко они говорят и как свободны внутри – словно звери. Они смуглые и величественные как статуэтки, а также старые и безобразные как обезьяны, но совсем непонятно – хорошие они или плохие?

Они идут в рваных тапочках по городу, не стесняясь, и садятся за руль собственного мерседеса, нисколько не гордясь этим. Они легко улыбаются, раскованно жестикулируют и орут без злобы и без надобности – как в фильмах Феллини. Они ошеломляюще безвкусны и в той же степени полны достоинства – все до единого, включая последнего мусорщика. Они работают, не уставая, едят без перерыва и кажутся абсолютно счастливыми – но как ты можешь знать, девочка моя, что они думают?

Но это все будет потом, позже. А пока мы с Машкой катим по ночному сверкающему шоссе в город Ришон-ле-Цион, который выбрали только что, не долго думая – за красивое имя и близость к морю. Нас везет темнокожий, веселый парень – еврей, араб? – пока еще не знаю, не умею различать. Мы пытаемся говорить с ним на английском и радуемся, что получается – всюду жизнь!



Страшная мысль «что впереди?» оставляет меня на время. Ее место занимает другая: «Все будет хорошо, очень-очень хорошо! Я все сделала правильно».

И было это семнадцать лет назад, а сейчас я все еще иду по Яффо. Вспархивает и опускается на камни пушистый маленький попугайчик, похожий на голубого цыпленка. Ловить – не ловить? А что с ним потом делать? В доме кошка, под домом – злая собака, неизвестной, но крупной породы.

А вот эфиопская свадьба. Из кремовых костюмов торчат черные, блестящие как сапог головы, а у невесты тугие негритянский локоны выкрашены в светло-русый цвет. И сама она нежная и трепетная – совсем как положительная героиня из «Лимонадного Джо». Нет, имидж блондинки эфиопочка выбрала правильно, у меня к ней претензий нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.